DOI: 10.31249/rsm/2022.03.12

А.С. Стыкалин

ОСЕНЬ 1968 г.: «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА» И «МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕВИЗИОНИЗМ» (А. ЧАКОВСКИЙ CONTRA Д. ЛУКАЧ)[1]

Аннотация. *В конце 1950-х – начале 1960-х годов выдающийся венгерский философ-марксист и литературный критик Дьердь Лукач (1885–1971) воспринимался в Советском Союзе как один из мэтров европейского ревизионизма, чему способствовало его участие в драматических событиях осени 1956 г. в Венгрии. Но к середине 1960-х годов международная кампания критики идей Лукача в странах советского блока затихает, а в последующие годы намечается расхождение позиций двух правящих партий – КПСС и Венгерской социалистической рабочей партии – в отношении к крупному марксисту. Если в Венгрии творчество позднего Лукача принимается (хотя и с оговорками) более либеральным коммунистическим режимом Яноша Кадара и даже до некоторой степени интегрируется в венгерскую концепцию социализма, то в СССР критика его «ревизионистской» эстетики, затихнув к середине 1960-х годов, сменилась многолетним замалчиванием его работ. Негативное отношение Лукача к подавлению Пражской весны 1968 г. дало повод для попыток возобновления в СССР его публичной критики, в частности на страницах «Литературной газеты» в конце октября 1968 г. Это вызвало неудовольствие главного идеолога кадаровского режима Дьердя Ацела, донесшего свое мнение до советского посольства в Будапеште. В результате дальнейшая критика Лукача в СССР не получила развитие, однако настороженное отношение к нему сохранялось. Публикация ряда важнейших работ Лукача была предпринята только во второй половине 1980-х годов в условиях перестройки. Однако престиж марксизма в сознании советской интеллигенции к этому времени резко упал и в силу этого работы выдающегося венгерского философа вызвали ограниченный интерес в среде отечественных интеллектуалов. В приложении к статье публикуется письмо главного редактора «Литературной газеты» А. Чаковского в ЦК КПСС, в котором он выразил недоумение в связи с произошедшей в Венгрии переоценкой творчества Лукача.*

Ключевые слова: *Дьердь Лукач; вторжение в Чехословакию в августе 1968 г.; режим Яноша Кадара в Венгрии; антиревизионистские кампании в СССР; Эрнст Фишер.*

1. Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 21-59-23002 РЯИК_а «Советско-венгерские научные связи в сфере гуманитарных наук: каналы коммуникаций, интеллектуальное присутствие, трансфер идей (1945–1991)».

**Стыкалин Александр Сергеевич – кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.
Россия, Москва.
E-mail: zhurslav@gmail.com
Web of Sciences Researcher ID: AAS-4624–2021
ORCID: 0000–0003–0834–9090**

Stykalin A.S. Autumn of 1968: «Literaturnaya gazeta» and the «International Revisionism» (A. Chakovskii contra Gy. Lukács)

Abstract. *In the late 1950 s – early 1960 s, the outstanding Hungarian Marxist philosopher and literary critic György Lukács (1885–1971) was perceived in the Soviet Union as one of the masters of European revisionism. This fact was connected with his participation in the dramatic events of autumn 1956 in Hungary. But by the mid-1960s, the international campaign to criticize Lukács's ideas in the countries of the Soviet bloc died down, and in subsequent years a divergence of positions between the two ruling parties – the CPSU and the Hungarian Socialist Workers' Party – concerning the outstanding Marxist was formed. In Hungary, the works of the late Lukács were accepted (albeit with reservations) by the communist regime. And even were integrated to some extent into the Hungarian concept of socialism, whereas in the USSR, criticism of his «revisionist» aesthetics, having subsided by the mid-1960s, was replaced by many years of silence about his activities. The negative attitude of Lukács towards the suppression of the Prague Spring of 1968 gave rise to attempts to resume public criticism of his ideas in the USSR, particularly in «Literaturnaya gazeta» in late October 1968. This displeased the main ideologist of the János Kádár regime, György Aczél, who conveyed his opinion to the Soviet embassy in Budapest. As a result, further criticism of Lukács in the USSR did not develop, but a wary attitude towards him remained. The publication of a number of the most important works of Lukács was undertaken only in the second half of the 1980 s under the conditions of Perestroika. However, the prestige of Marxism in the minds of the Soviet intelligentsia by this time had fallen sharply, and because of this, the works of the outstanding Hungarian philosopher aroused limited interest among domestic intellectuals. Attached to the article is a letter from the editor-in-chief of Literaturnaya Gazeta A. Chakovskii to the Central Committee of the CPSU, in which he expressed bewilderment at the overestimation of Lukács' work that had taken place in Hungary.*

Keywords: *György Lukács; intervention to Czechoslovakia in August 1968; regime of János Kádár in Hungary; antirevisionist campaigns in the USSR; Ernst Fischer.*

**Stykalin Alexandr Sergeevich – Candidate of Historical Sciences,
Leading Researcher, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy
of Sciences. Russia, Moscow.
E-mail: zhurslav@gmail.com
Web of Sciences Researcher ID: AAS-4624–2021
ORCID: 0000–0003–0834–9090**

21 августа 1968 г., после растянувшихся на несколько месяцев колебаний брежневского руководства СССР, совместная военная акция пяти стран – участниц Варшавского договора пресекла попытку чехословацких реформаторов сделать более привлекательным лицо реального социализма. Пражская весна 1968 г. явилась не просто конкретно-историческим феноменом, она имеет глубокий метафорический смысл, символизируя запоздалое возникновение в коммунистическом движении 1960-х годов некоего творческого начала, пытавшегося (как оказалось, тщетно) придать ему новый импульс на основе симбиоза социалистических ценностей с рациональной экономикой и механизмами современной развитой демократии. Подавление Пражской весны явилось по грандиозности последствий одним из ключевых событий мировой истории второй половины XX в., во многом предопределившим необратимость кризиса всего советского блока и мирового коммунистического движения, полностью дискредитировавшим в глазах миллионов людей во всем мире позитивное содержание самой идеи социализма в марксистском понимании.

Оценка влияния этой акции на дальнейшую эволюцию советского режима, духовный климат в советском обществе многократно предпринималась как в мемуарах, публицистике, так и в исторической литературе, посвященной периоду брежневского правления. Напомним лишь, что вследствие августа 1968 г. на время ужесточается внешняя, а в более долгосрочном плане внутренняя (в том числе культурная) политика руководства СССР, отбрасываются планы даже самых умеренных («косыгинских») реформ экономического механизма, усиливается нетерпимость к поискам альтернативных вариантов развития в русле теории социализма, активизируется преследование инакомыслящих.

Главной заботой идеологических органов КПСС осенью 1968 г. становится нейтрализация влияния реформаторских идей Пражской весны на умы советской, а также и восточноевропейской интеллигенции. Развязанная в это время массированная кампания борьбы с ревизионизмом далеко перешагнула границы СССР. Для того, чтобы успешно дирижировать ею, надо было определиться с отношением к наиболее видным живущим (не всегда на 100%, но лояльным официальной Москве[2]) теоретикам-марксистам, и едва ли не в первую очередь к пока еще здравствовавшему 83-летнему венгерскому философу и литературному критику Дьёрдю (Георгу) Лукачу (1885–1971). С середины 1960-х годов, по мере либерализации кадаровского режима в Венгрии, квартира Лукача на набережной Дуная напротив горы Геллерт становится местом настоящего паломничества европейских (и в том числе чешских) ин-

2. Здесь следует напомнить, что вторжение войск в Чехословакию не поддержали руководства самых влиятельных и самостоятельных западных компартий – французской и итальянской.

теллектуалов, жаждавших узнать мнение Лукача по тем или иным актуальным вопросам современности. Газеты разных стран публиковали интервью с венгерским философом, а весной 1968 г. его международная известность еще более возросла на волне движения «новых левых» и майских волнений во Франции, заставивших интеллектуальную элиту Европы заново перечитать «Историю и классовое сознание» (1923) – один из источников идеологии «новых левых». И дело не менялось от того, что от ключевых идей этой работы сам Лукач давным-давно отрекся.

Оценки не заставили себя долго ждать. 30 октября 1968 г. в «Литературной газете» была опубликована статья влиятельного официозного литературоведа Александра Дымшица (1910–1975) «Корни и плоды Эрнста Фишера», с красноречивым подзаголовком «Австрийский писатель, именующий себя “марксистом”, выступает в роли пособника империалистической пропаганды». Речь в ней шла о ветеране австрийской компартии и одном из ее идеологов Эрнсте Фишере (1899–1972), известном литературном критике и публицисте, который в своих выступлениях 1960-х годов все более расходился с официальными советскими установками, а в августе 1968 г. открыто осудил вторжение в Чехословакию. Упоминался в статье и Д. Лукач, причем в весьма негативном плане. Как писал, в частности, А. Дымшиц, в одной из своих недавних книг Фишер, «целиком повторяя старые и давно разбитые “аргументы” Георга Лукача, Фишер тщится доказать, будто знаменитая статья В.И. Ленина “Партийная организация и партийная литература” обращена только к партийным публицистам и не имеет отношения к проблемам художественного творчества». Далее в статье речь шла о том, что Фишер заимствовал у Лукача противопоставление «трибунов» и «бюрократов» (имелась в виду известная статья Лукача конца 1930-х годов «Народный трибун или бюрократ?»).

Такая оценка Лукача в статье Дымшица едва ли могла удивить внимательного, а тем более профессионально подготовленного читателя «Литературной газеты», ведь у автора статьи, принимавшего участие в литературной жизни с конца 1930-х годов, были с Лукачем свои счеты и не столько лично с ним, сколько с кругом литераторов (Михаил Лифшиц и др.), группировавшихся в 1930-е годы вокруг журнала «Литературный критик», где много публиковался и Лукач, живший в эмиграции в СССР в 1933–1945 гг. Кому-то из читателей старших поколений была памятна и дискуссия 1939–1940 гг. вокруг книги Лукача «К истории реализма». В год выхода книги отмечалось 150-летие начала Великой Французской революции, а потому разговор о ее великих современниках, в частности о Гёте, вполне закономерно вышел в ходе дискуссии на проблему Термидора – не просто конкретного эпизода из истории Французской революции, а символа перерождения революционной власти. А между тем только что, 23 августа 1939 г., был подписан пакт СССР

с гитлеровской Германией, за которым последовало расчленение Польши – за окном происходили события как никакие другие наводившие наблюдателей на размышления о той эволюции, которую проделал большевистский режим за немногим более 20 лет своего существования. Эти коннотации не сразу были замечены бдительными цензорами, позволив обсуждению темы Термидора зайти слишком далеко и тем сильнее была последующая реакция – закрытие журнала «Литературный критик» в 1940 г. Если в конце 1930-х Дымшиц был начинающим ленинградским литератором, то в начале 1960-х, заняв к тому времени заметные позиции в литературной и – шире – культурной жизни[3], он непосредственно приложил руку к критике Лукача в ходе очередной антиревизионистской кампании, где тот выступал главной мишенью – повод дало не только его вхождение осенью 1956 г., в ходе бурных венгерских событий, в неконтролируемое Москвой правительство Имре Надя в качестве министра культуры, но и его опубликованная в 1958 г. в Западной Германии работа «Против неверно понятого реализма» [Lukács 1963], в которой последовательно проводилась мысль о социалистическом реализме как о критическом реализме современной эпохи (позволявшая Лукачу подверстывать к социалистическому реализму даже творчество А. Солженицына, которому венгерский литературовед в 1960-е годы посвятил и самостоятельные статьи [Lukács 1970]).

Итак, если советским читателем критика Лукача под пером Дымшица была воспринята как нечто вполне естественное и ожидаемое, то в Венгрии она вызвала крайнее недоумение в самом партийно-идеологическом истеблишменте. Ведь Лукач был восстановлен к этому времени в правящей Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП), его 80-летие в 1965 г. было отмечено рядом уважительных публикаций, постоянно выходили его новые работы, критика в прессе прекратилась. Главный идеолог кадаровского режима Дьёрдь Ацел попросил близкого к власти литературоведа Иштвана Кирая пойти в советское посольство за разъяснениями. 3 ноября в беседе с советским дипломатом Кирай заявил, что Лукач хотя и направил в ЦК ВСРП письмо, в котором выразил острое несогласие с вторжением в Чехословакию (с участием венгерской армии), но не придал своей позиции гласности, отказался от интервью на эту тему западным корреспондентам и, более того, не откликнулся на призыв Бертрана Рассела присоединиться к письму протеста

3. Он был в разное время членом редколлегии журналов «Звезда», «Знамя», «Вопросы литературы», заместителем главного редактора журнала «Октябрь» (1961–1962) и газеты «Литература и жизнь», реорганизованной позже в еженедельник «Литературная Россия». В 1963–1966 гг. работал главным редактором сценарно-редакционной коллегии Госкино.

от имени ряда крупных западных интеллектуалов[4]. Так что поведение Лукача, говорил Кирай, воспринимается партийным руководством как лояльное и тем досаднее появление статьи Дымшица, искусственно привязывающей Лукача к чехословацким событиям и международному ревизионизму. Вообще, откровенно заметил он, излишняя жесткость в этом вопросе, не учитывающая настроения венгерской интеллигенции, в массе своей не поддержавшей интервенцию в Чехословакию, «превратило бы нынешнюю Венгрию, являющуюся наиболее стабильным и спокойным членом Варшавского договора, в страну с расшатанной внутриполитической обстановкой, а это крайне не желательно вообще и особенно в нынешней международной ситуации». Мне кажется, добавил этот вполне дисциплинированный коммунист, «по наиболее важным вопросам идеологии, касающимся двух партий, нам следовало бы более четко координировать свои выступления» [Запись беседы 1968].

Расхождения КПСС и ВСРП в оценке одного из крупнейших живущих марксистских интеллектуалов возникли не впервые[5]. Их считали нежелательными и в Будапеште, и в Москве, тем более что Я. Кадар подключил свою страну к интервенционистской акции после долгих колебаний, а после ее осуществления не скрывал от советских лидеров своего отношения к ней как к крайне неудачно организованной в политическом плане [Стыкалин 2016, с. 403–446]. Донесение посольства о беседе с Кираем было переслано из МИДа в ЦК, а оттуда в редакцию «Литературной газеты», и 8 декабря ее главный редактор Александр Чаковский в письме секретарю ЦК КПСС Петру Демичеву изложил свое видение событий (см. приложение). Отказ Лукача от публичного выражения своей позиции, по его мнению, не давал оснований для переоценки его общественно-политической роли («строить свое отношение к тому или иному деятелю на основании того, что этот деятель не сде-

4. Совсем иначе отреагировали на вторжение некоторые ученики Лукача, и в том числе наиболее известная из них, Агнеш Хеллер. Находясь в день интервенции в Югославии, на конференции, организованной журналом «Праксис», они присоединились к письму протеста, инициированному западными интеллектуалами. По возвращении на родину были подвергнуты определенным гонениям, ограничениям в публикации новых работ.

5 В 1965 г., получив из Будапешта информацию о том, что в Венгрии будет отмечаться 80-летие Лукача (проведением ряда мероприятий в рамках Академии наук, публикацией поздравительных статей в научных и литературных журналах), в ЦК КПСС сочли нецелесообразным присоединяться к инициативе венгров. Как было сказано в соответствующей записке Идеологического отдела ЦК КПСС, «неверное политическое поведение и ошибочные концепции Г. Лукача, имя которого связано с ревизией основ марксистской эстетики, не дают оснований отмечать его юбилей в советской печати» [Лифшиц и Лукач 2011, с. 166–169]. Такая установка была доведена до сведения редакции «Литературной газеты», литературно-художественных и академических журналов.

лал», – заметил он, – вообще трудно), в то же время у «Литературной газеты» не было оснований оберегать Лукача от критических замечаний уже потому, что на его «вредные» статьи, отождествляющие «искажения культа личности со строительством социализма», постоянно ссылались чехословацкие «ревизионисты», группирующиеся вокруг изданий «Литерарни новины» и «Литерарни листы». Чаковский выразил некоторое недоумение не только тем, что в дружественной социалистической стране негласно меняется официальное отношение к «деятелю столь устойчиво одиозной репутации», но и тем, что дипломатические службы своевременно не информируют об этом аппарат ЦК, который мог бы давать «необходимые ориентировки органам печати» – опытный боец «идеологического фронта», никогда не отклонявшийся от официальной линии партии, нисколько не ставил под сомнение право партии воздержаться от публичной критики «ревизиониста» Лукача, если в силу тех или иных тактических причин она сочтет такую критику нецелесообразной или несвоевременной.

Учитывая изменившееся отношение к Лукачу руководства ВСРП, на Старой площади сочли ненужным развивать публичную критику венгерского философа и литературоведа в рамках крупномасштабной антиревизионистской кампании осени 1968 г., направленной на нейтрализацию влияния реформаторских идей Пражской весны на умы советской интеллигенции – явная неготовность и нежелание следовать примеру венгерских коллег в деле переоценки политического лица Лукача сочетались со стремлением избежать открытых межпартийных разногласий. Вместе с тем позиция Лукача, занятая в связи с вторжением в Чехословакию, лишь укрепила настороженное к нему отношение официальной Москвы, которая и в 1970-е годы не была склонна идти вслед за более либеральным режимом Кадара в переоценке всей его интеллектуальной деятельности. И хотя в начале 1970-х годов, после смерти философа, в советских идеологических структурах утверждается мнение о том, что «было бы неправильно целиком отдавать литературно-философское наследие Лукача в руки ревизионистов и реакционеров»[6], прозвучавшее в некоторых записках в аппарат ЦК КПСС предложение об издании в Советском Союзе некоторых его более ортодоксальных в марксистском отношении (а на языке того времени, «политически зрелых») работ, в том числе литературоведческих, так и не было воплощено в жизнь. Выборочное издание работ Лукача («Своеобразие эстетического» в четырех томах, «Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества» и др.) было предпринято только после 1985 г. Но к этому времени авторитет марксистской традиции в сознании

6. Записка Академии общественных наук при ЦК КПСС в ЦК КПСС «Об анализе концепций и взглядов Георга (Дьердя) Лукача» от 31 марта 1972 г. [Лифшиц и Лукач 2011, с. 174].

отечественной гуманитарной интеллигенции упал почти до нулевой отметки, так что выход работ Лукача явился уже холостым выстрелом для тех горбачевских партаппаратчиков, кто (как, например, работавший в то время на Старой площади и курировавший «лукачевские» проекты философ Сергей Земляной) связывал с их изданием некоторые надежды на обновление марксистской мысли и пробуждение общественного интереса к ней.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

ПИСЬМО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ» А.Б. ЧАКОВСКОГО В ЦК КПСС П.Н. ДЕМИЧЕВУ

Тов. Демичеву П.Н.[7]

Уважаемый Петр Нилович!

В связи с тем, что запись беседы от 3/XI-68 г. III-его секретаря посольства СССР в Венгрии т. Кокеева с венгерским профессором Иштваном Кирай была Вами размечена также и мне, считаю необходимым доложить следующее:

Как явствует из беседы, Кирай высказал неудовольствие в связи с тем, что в статье А. Дымшица, опубликованной в «Литературной газете», упоминается (критически) и Д. Лукач[8]. По мнению Кирая, этого делать не следовало, поскольку Д. Лукач, «направив свое известное письмо в ЦК ВСРП[9], не только не пошел на огласку факта и содержания письма, но и категорически отказался давать интервью корреспонденту Франс Пресс, заявив, что "оценка событий в Чехословакии – сугубо внутреннее дело ВСРП, и иностранные журналисты не имеют к этому делу никакого отношения". Более того, Лукач не откликнулся на призыв Бертрана Рассела присоединиться к тем деятелям

7. Демичев П.Н. (1917–2010) – в 1968 г. кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК КПСС. В 1974–1986 гг. министр культуры СССР.

8. Более развернуто свои представления о творчестве и идейно-политической позиции Лукача Дымшиц изложил в пространной записке от 14 октября 1968 г., подготовленной по поручению отдела культуры ЦК КПСС, где особенно заинтересовались поведением Лукача в период Пражской весны и его откликом на вторжение армий стран – участниц ОВД в Чехословакию, а также влиянием идей Лукача на настроения европейской интеллигенции в свете Пражской весны. Опубликована: [Дьердь Лукач: взгляд из Москвы 2007, с. 184–200].

9. С выражением несогласия с участием Венгрии в предпринятой 21 августа 1968 г. военной акции стран – участниц ОВД в отношении Чехословакии.

культуры, которые “подняли голоса протеста против агрессии в Чехословакии”[10]. Так что в целом поведение Лукача на данном этапе можно охарактеризовать как лояльное».

Все это т. Кокеев без каких-либо комментариев со стороны своей или посольства, включает в «запись», предназначенную для посылки в Москву.

Не могу не сказать, что подобная методология вызывает недоумение по следующим причинам. Статья, о которой идет речь, была посвящена чуждым взглядам Фишера, и, как явствует из известного Вам сообщения Совпосольства в Австрии, вызвала положительный отклик в местных коммунистических кругах[11].

В этой двухподвальной статье Лукачу уделено всего лишь несколько строк. Вот они: «В книге “Искусство и сосуществование” [Fischer 1966][12], целиком повторяя старые и давно разбитые “аргументы” Георга Лукача, Фишер тщится доказать, будто знаменитая статья В.И. Ленина “Партийная орга-

10. Крупный западный философ, логик, математик Бертран Рассел (1872–1970) выступал не только в роли частного лица, он был одним из инициаторов и лидеров международного Пагуошского движения.

11. Сообщение посольства СССР в Австрии, о котором здесь идет речь, нам не известно. На самом деле среди австрийских коммунистов не было однозначного отношения к Пражской весне и акции стран ОВД против ближайшего соседа Австрии – Чехословакии. Как и лидеры более влиятельных итальянской и французской компартий руководство КПА летом 1968 г. не считало исчерпанными политические, несиловые методы влияния на ситуацию, что нашло отражение и на страницах партийной газеты «Фольксштимме», которая 11 июля открыто обвинила лидеров КПСС в сознательной дезинформации советского народа относительно якобы существующей угрозы социализму в Чехословакии. После 21 августа в кругах КПА была поддержана идея проведения совещания компартий в целях критического обсуждения советской политики в отношении Чехословакии. Позже в руководстве КПА возобладала линия на компромисс с Москвой, Эрнст Фишер и Франц Марек, персонифицировавшие собой курс на идейное обновление, были исключены в 1969 г. из партии. С другой стороны, из КПА вышло немало ее членов (в том числе интеллектуалов), не только увидевших в произошедших 21 августа событиях акцию, позорящую мировое коммунистическое движение, но и разочаровавшихся в результате в возможностях воплощения своих прежних идеалов. В отличие от более самостоятельных в материальном и идеологическом отношении партий австрийская компартия так и не смогла выйти из перманентного кризиса путем радикального обновления своей доктрины. После подавления Пражской весны она окончательно маргинализируется в австрийском обществе.

12. Позиция, занятая Фишером в связи с чехословацкими событиями, дала повод для острой критической кампании против него в СССР, начало которой было положено главным печатным органом КПСС [Петров 1968, с. 4; Козинг 1971; Дымшиц 1972; Суровцев 1972]. Кстати, как явствует из опубликованной переписки Лукача с его московским другом М. Лифшицем, тот пытался склонить его к принципиальной критике идей Э. Фишера, но получил отказ.

низация и партийная литература" обращена только к партийным публицистам и не имеет отношения к проблемам художественного творчества»[13].

Из сообщения т. Кокеева можно сделать вывод, что такое упоминание делать не следовало. Почему? Потому что Лукач, хотя и написал «свое известное письмо в ЦК ВСРП», но впоследствии никому не давал о нем интервью и публично не выступал. Строить свое отношение к тому или иному деятелю на основании того, что этот деятель НЕ СДЕЛАЛ, «Литературной газете» трудно. Трудно хотя бы потому, что за тем, что человек ДЕЛАЕТ, можно следить по всем доступным источникам. За тем, чего он НЕ ДЕЛАЕТ – уследить трудно.

У «Литературной газеты» не было никаких ЗРИМЫХ оснований оберегать Лукача от критических замечаний.

А вот для того, чтобы эти замечания делать, у нее основания были.

И вот некоторые из них.

Как известно, секретарь ЦК ВСРП тов. Д. Ацел высказал пожелание о необходимости дискуссий с тов. Лукачем. В частности, т. Д. Ацел указал, что «в своем интервью "Непсабадшаг"[14] и в других заявлениях тов. Лукач односторонне делает ударение на разрыве, не освещает должным образом непрерывность». (Имеются в виду высказывания Лукача по вопросу непрерывности, а также разрыва между нынешним периодом рабочего движения и периодом, предшествовавшим 1956 г.).

Тов. Д. Ацел также подчеркнул ошибочность употребляемого Лукачем «выражения "сталинская эпоха" и особенно "сталинизм", ведь формулировка "сталинская эпоха" отождествляет искажение культа личности со строительством социализма»[15].

13. Имеется в виду позиция Лукача, изложенная им, в частности, в статье второй половины 1940-х годов «Партийная поэзия».

14. Интервью, которое Лукач дал журналистам П. Рени и П. Панди, было опубликовано в главной газете ВСРП «Népszabadság» на Рождество, 24 декабря 1967 г. [At home 1968, p. 74–82].

15. В своем рождественском интервью газете «Népszabadság» за 1967 г. Лукач в сущности повторил уже звучавший в статье 1964 г. «Социалистический реализм сегодня» [Лукач 1991] тезис о том, что ни в одной социалистической стране невозможно написать правдивый роман о современности без критического осмысления сталинской эпохи. Это вызвало полемику главного идеолога кадаровской ВСРП Дьердя Ацела, заметившего, что «одностороннее подчеркивание [Лукачем] нарушения преемственности в нашем развитии искажает реальную картину» [Aczél 1970, P.20]. Ацел полемизировал со взглядами Лукача в этот период, в частности, в своей программной лекции в политической академии ВСРП в апреле 1968 г., в которой были выражены приверженность курсу на экономические реформы в собственной стране, поддержка коммунистов-реформаторов в соседней Чехословакии и вместе с тем указано, что руководство ВСРП, признавая существование идейного плюрализма в

Орган чехословацких писателей «Литерарни листы» первого августа сего года перепечатал из венгерского журнала «Кортарш» высказывание Д. Лукача о проблеме сосуществования, подчеркнув, что «в теперешнем контексте и как зеркало нашего развития мы считаем это выступление чрезвычайно важным». Так, по мнению Лукача, «для того, чтобы освободить силы для классовой борьбы в рамках сосуществования, необходимо в области культуры реабилитировать пролетарскую демократию».

По словам Лукача, «любое литературное явление может оказаться в фальшивом свете, если против него будут предприняты бюрократические акции». В качестве примера он приводит Солженицына и Пастернака, заявляя: «Я не вижу никаких оснований для того, чтобы мы препятствовали существованию возникших тенденций, сопровождаемых серьезными дискуссиями»[16].

венгерском обществе, не потерпит создания политической оппозиции. В специальном документе, подготовленном весной 1968 г. в аппарате ЦК ВСРП, отмечалось, что в выступлениях Лукача последних лет (в том числе его интервью) рождается определенная концепция, в которой наряду с «правильными» присутствуют и спорные моменты – преувеличение специфичности советского пути развития и недооценка советского опыта для восточноевропейских стран, строящих социализм, применение категории «сталинизм», чересчур негативистская оценка пройденного Венгрией в последние десятилетия исторического пути, чрезмерный якобы акцент на опасности бюрократизма, выхолащивающего, по его мнению, социалистическое содержание общественных процессов в СССР и социалистических странах [Urbán 1990, p. 2]. Дистанцируясь от некоторых заявлений Лукача, руководство ВСРП в то же время старалось дать понять венгерской интеллигенции, что философа и партию (восстановившую его в своих рядах) большее объединяет, нежели разделяет. Оно не препятствовало также публикации его новых работ в Венгрии. Лукач воспринимал свои разногласия с главным идеологом партии как нечто вполне естественное. В одном из интервью он прямо заявил, что ни в коем случае не хотел бы оказаться в роли официального философа, ибо это не способствовало бы развитию марксистской мысли в Венгрии.

16. Речь идет об интервью Лукача, опубликованном в мае 1968 г. в венгерском литературном журнале «Kortárs». Оно имело широкий резонанс в мире, было перепечатано ведущими коммунистическими газетами Югославии («Борба»), Италии («L'Unita») [Lukács on Coexistence 1968]. См. также адресованную в ЦК КПСС справку Главного управления по охране государственных тайн в печати (Главлит) от 25 июля 1968 г. о зарубежных публикациях и комментариях некоторых произведений и выступлений Д. Лукача [Справка Главного 1968]. В откликах зарубежной прессы отмечалось, что Лукач остался последовательным в критике всего того, что называется «официозным марксизмом», и в своем требовании поставить весь предшествующий период развития марксизма «под увеличительное стекло самокритики». Особое внимание как западных комментаторов, так и представителей Главлита привлекла мысль Лукача о том, что «в сталинский период европейская интеллигенция утратила веру в благонамеренность» коммунистов. Комментировался и тезис Лукача о том, что для людей, разочаровавшихся в западной демократии, сегодняшний

Газета «Литерарни новины» (орган Союза чехословацких писателей), вскоре после принятия Лукача в партию, перепечатала интервью с ним из венгерской печати[17]. В этом интервью, в частности, говорится: «Ни в одной социалистической стране нельзя создать правдивого произведения о сегодняшнем человеке, если автор не постарается рассчитаться со сталинским периодом».

В этой связи позволю себе заметить следующее.

Мне представляется, что если в той или иной стране отношение к деятелю столь устойчиво одиозной репутации как, например, Лукач меняется, причем меняется «негласно», то обязанностью посольства является своевременное извещение об этом ЦК, аппарат которого, в таком случае, обычно дает необходимые ориентировки органам печати.

К сожалению, практика показывает, что некоторые посольства (или их отдельные работники), своевременно не информируя о тех или иных важных конкретностях идейной борьбы в странах пребывания (я имею в виду сферу культуры), ограничивают свою роль тем, что лишь регистрируют в своих сообщениях ту или иную отрицательную реакцию на тот или иной материал советской прессы.

О том, что этой реакции можно было бы избежать, если бы «глаза и уши» нашей страны – посольства более точно и оперативно сообщали бы о том, что «видят» и «слышат», некоторые наши товарищи за рубежом, видимо, заботятся недостаточно.

Разумеется, редакция «Литературной газеты» сделает выводы из сообщения т. Кокеева, хотя до сих пор не знает, в какой мере (в данном конкретном случае) взгляды Иштвана Кирай разделяются партийным руководством Венгрии.

А.Чаковский

8 декабря 1968 г.

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 25. Л. 225–227.

социализм не является притягательной силой, ведь «у нас нет приемлемых ответов на вопросы», которые ставит наше время, и люди «беспомощно разводят руками и говорят: “Судьба человечества в самом деле безвыходна”».

17. Речь идет о вышеупомянутом интервью, опубликованном в «Népszabadság» 24 декабря 1967 г. Д. Лукач был восстановлен в ВСРП в августе 1967 г., хотя широкая общественность была информирована об этом позже.

Библиография

Дьердь Лукач: взгляд из Москвы (1968 г.) / Публикация, предисловие и комментарии А.С. Стыкалина // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. 3. М. Ставрополь, 2007. С. 184–200.

Дымшиц А. За и против. М.: Правда, 1972. 124 с.

Козинг А. Эрнст Фишер – современный марксист? М: Прогресс, 1971. 127 с.

Лифшиц Мих. и Лукач Д. Переписка. 1931–1970. М.: Grundrisse, 2011. 296 с.

Лукач Д. Что такое новизна в искусстве? (Неизвестные русскому читателю статьи Д. Лукача) // Вопросы литературы. 1991. № 4. С. 40–92.

Петров И. В унисон с реакцией // Правда. 1968. 5 окт. С. 4.

Письмо А.Б. Чаковского в ЦК КПСС. 8.12.1968 // Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 60. Д. 25. Л. 225–227.

Справка Главного управления по охране государственных тайн в печати в ЦК КПСС. 25.07.1968 // Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 60. Д. 20. Л. 54–57.

Стыкалин А.С. Опыт 1956 года в 12-летней ретроспективе. «Пражская весна» и позиция руководства Венгрии // Венгерский кризис 1956 года в исторической ретроспективе. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. С. 403–446.

Суровцев Ю. В лабиринте ревизионизма (Эрнст Фишер, его идеология и эстетика). М.: Художественная литература, 1972. 336 с.

Aczél Gy. Eszmenk erejével. Budapest: Kossuth, 1970. 276 p.

At home with György Lukács // The New Hungarian Quarterly. Vol. IX. N 29. Spring 1968, Budapest. 74–82 p.

Fischer Ernst. Kunst und Koexistenz: Beitrag zu einer modernen marxistischen Ästhetik. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 1966. 235 s.

Lukács G. Meaning of Contemporary Realism. London: Merlin Press, 1963. 137 p.

Lukács on Coexistence // The New Hungarian Quarterly. Vol. IX. N 32. Winter 1968. Budapest. P. 166–179.

Lukacs G. Solzhenitzsyn. London: Merlin Press, 1970. 88 p.

Urbán K. Lukács és az MSzMP 1967/68-ban // Magyar Nemzet. Budapest, 1990. 2. Apr. P. 2.

Запись беседы с И. Кираем. Посольство СССР в Венгрии. 3 ноября 1968 г. // Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 60. Д. 25. Л. 222–224.

References

Aczél Gy. Eszmenk erejével [With the force of the ideas]. Budapest: Kossuth, 1970. 276 p. (In Hung.).

At home with György Lukács // The New Hungarian Quarterly. Vol. IX. N 29. Spring 1968, Budapest. P. 74–82.

Dymshits A. Za i protiv [Pro et contra]. Moscow: Pravda, 1972. 124 p. (In Russ.)

Zapis' besedy s I. Kiralyem. Posolstvo SSSR v Vengrii [The Record of the conversation with István Király. The Embassy of the USSR in Hungary]. 1968. 3 Nov. // The Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). F. 5. Inv. 60. F. 25. L. 225–227. (In Russ.)

Fischer Ernst. Kunst und Koexistenz: Beitrag zu einer modernen marxistischen Ästhetik. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 1966. 235 s.

György Lukács: vzglyad iz Moskvy (1968) [György Lukács: View from Moscow (1968)] / Publication, foreward and comments of A. Stykalin // Rossiisko-avstriiskii almanakh: istoricheskie i kul-

turnyie paralleli [Russian-Austrian Almanac: Historical and Cultural Parallels]. Issue 3. Moscow-Stavropol, 2007. P. 184–200. (In Russ.)

Kosing A. Ernst Fischer – sovremennyi Marxist? [Ernst Fischer is a Modern Marxist?]. Moscow: Progress, 1971. 127 p. (In Russ.)

Lifshitz Mikhail i Lukács György. Perepiska [Correspondence]. 1931–1970. Moscow: Grundrisse, 2011. 296 p. (In Russ.)

Lukács Gy. Chto takoe novizna v iskusstve? (Neizvestnyie russkomu chitateliu statyi G. Lukácsa [What is the Novelty in the Art? (György Lukács's articles unknown for Russian readers)] // Voprosy literatury [Questions of Literature], 1991. N 4. P. 40–92. (In Russ.)

Lukács G. Meaning of Contemporary Realism. London: Merlin Press, 1963. 137 p.

Lukács on Coexistence // The New Hungarian Quarterly. Vol. IX. N 32. Winter 1968. Budapest. P. 166–179.

Lukács G. Solzhenitzsyn. London: Merlin Press, 1970. 88 p.

Petrov I. V unison s reaktsiei [In the Unison with the Reaktion] // Pravda. 1968. Oktober 5. P. 4. (In Russ.)

Pis'mo A.B. Chakovskogo v TsK KPSS. [The letter of A.B. Chakovskii to the Central Committee of the CPSU]. 1968. 8 Dec. // The Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). F. 5. Inv. 60. F. 25. L. 225–227. (In Russ.)

Spravka Glavnogo Upravleniya po ohrane gosudarstvennyh tain v pechati v Ts KPSS [The Note of the Main Directorat for the Protection of State Secrets to the Central Committee of the CPSU]. 1968. 25 Jul. // The Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). F. 5. Inv. 60. F. 20. L. 54–57. (In Russ.)

Stykalin A.S. Opyt 1956 goda v 12-letnei retrospective. «Prazhskaya vesna» i pozitsiya rukovodstva Vengrii // Vengerskii krizis 1956 goda v istoricheskoi retrospektive [The Hungarian Crisis of 1956 in the Historical Retrospective]. Moscow: University of Dmitrii Pozharskii, 2016. P. 403–446. (In Russ.)

Surovtsev Yu. V labirinte revizionizma (Ernst Fischer, ego ideologiya i estetika) [In the Labyrinth of the Revisionism (Ernst Fischer, his Ideology and Aesthetics]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura, 1972. 336 p.

Urbán K. Lukács és az MSzMP 1967/68-ban // Magyar Nemzet. Budapest, 1990. 2 Apr. P. 2. (In Hung.)